
ЖЕНЩИНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Публикация О.Р. Демидовой

Елизавета Леонидовна Миллер (урожд. Лозинская) родилась 30 мая ст. стиля 1884 г. в Петербурге, в семье известного юриста Леонида Яковлевича Лозинского, и была старшей сестрой не менее известных филологов Михаила Леонидовича и Григория Леонидовича Лозинских¹. Окончила Литейную женскую гимназию, затем Высшие женские курсы (1905), через несколько лет, уже замужней дамой, — курсы Alliance Française, по окончании которых в 1914 г. ей было присвоено звание домашней учительницы. 29 июня ст. стиля 1907 г. была обвенчана с присяжным поверенным Владимиром Анатольевичем Миллером, другом ее брата Михаила и учеником ее отца. У Миллеров было двое детей, умерших в детстве.

В октябре 1918 г. супруги Миллер покинули Россию и после нескольких лет, проведенных в Дании и Англии, обосновались в Париже, где прожили 26 лет. После Второй мировой войны, в 1947 г., вынуждены были покинуть Францию: В.А. Миллер был обвинен в коллаборационизме и в судебном порядке лишен права проживания в стране. Миллеры перебрались в Южную Африку, в Йоханнесбург. Владимир Анатольевич скончался в 1958 г., однако и после его смерти французские власти не разрешили вдове вернуться во Францию. Последние годы жизни Е.Л. Миллер провела в старческом доме Cransley House под Йоханнесбургом, куда устроилась в июне 1959 г. и скончалась там в 1960-е гг. В этот период она сотрудничала в южноафриканских газетах, в нью-йоркском «Новом русском слове», работала над воспоминаниями и готовила свой обширный личный и семейный архив для передачи Архиву русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевскому) при Колумбийском университете (Нью-Йорк)^{II}. Последние материалы, переданные архиву, датированы 1967 г.

^I См. о них: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 382–384; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: В 6 т. Т. 4. М., 2004. С. 204; кроме того, см. воспоминания Е.Л. Миллер о М. Лозинском, опубликованные Ив. Толстым (Русская мысль (Париж). 1990. 6 апреля: Литературное приложение. № 9. С. XVIII).

^{II} В тексте, фрагменты из которого публикуются далее, дана следующая автохарактеристика: «Миллер, автор этого очерка, покинула Россию в 1918 году и после года пре-

Собрание Миллер можно отнести к наиболее значительным коллекциям архива, фондообразователями которых выступали женщины^{III}. В собрании представлены письма разных лиц Е.Л. и В.А. Миллерам (Box 1)^{IV}, документы Е.Л. и В.А. Миллеров и членов их семей^V, воспоминания^{VI}, многочисленные некрологические очерки и заметки Е.Л. Миллер, а также незначительное количество рукописей других лиц и материалов периодики (Boxes 2, 3). Хронологически перечисленные материалы охватывают период от рубежа XIX–XX вв. до 1940–60-х гг.; тематический и географический спектр их не менее разнообразен: от воспоминаний о петербургской Литейной гимназии и Северном профессорском уголке под Петербургом до жизни эмигрантских колоний в Дании, Англии, Франции, Южной Африке и событий Второй мировой войны с их последующим осмыслением представителями различных кругов эмиграции и коренного населения стран рассеяния. Многие материалы, на первый взгляд представляющие сугубо семейный интерес, по существу могут оказаться ценным источником по истории русского дореволюционного быта высших и средних сословий, русского женского образования, Белого движения и русского рассеяния.

По происхождению Миллер принадлежала к высшему интеллигентскому (преимущественно университетскому) кругу; благодаря профессии отца, была неплохо знакома с жизнью и бытом юридического сословия; кроме того, близко знала многих бывавших в доме литераторов, друзей брата Михаила, и имела возможность следить за литературной жизнью и принимать в ней участие, хотя никогда не причисляла себя к писательскому цеху. Замужество позволило ей увидеть «изнутри» жизнь военных кругов (отец В.А. Миллера, генерал-майор А.И. Миллер, был военным инженером). В своих воспоминаниях она запечатлела многие давно ушедшие в прошлое детали и малоизвестные обстоятельства российской действительности до- и пореволюционных лет, а также периода эмиграции

бывания в Дании и двух лет в Англии, где она давала уроки и переводила, переселилась с мужем в Париж. Об нашей жизни там и работе сказано в других очерках. В Париже я преподавала, переводила, готовила к аттестату зрелости русских молодых людей, участвовавших в Белой Армии и тем лишившихся возможности кончить образование в России. Многие из них днем работали на заводах, а вечером учились. Кроме того, помогала мужу в его юридической работе (см. очерк «Работа В.А. Миллера за границей»). После переселения в Южную Африку продолжала давать уроки и переводить, а после смерти мужа, в 1958 г., стала писать очерки для Архива при Колумбийском университете и иногда для Нового русского слова в Нью-Йорке» (С. 26).

^{III} Краткое описание женских собраний архива см.: *Демидова О.* Женщины русской эмиграции: краткий обзор материалов Бахметевского архива // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — первой трети XX в. Сб. науч. статей / Сост. М.Ш. Файнштейн. Вильгельмсхорст, 1995. С. 211–217.

^{IV} Из них письма В.М. Романович и А.А. Гвоздинского к Е.Л. Миллер опубликованы нами (См. соответственно: Новый журнал (Нью-Йорк). 1994. № 195; Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995).

^V Свидетельства о рождении Е.Л. Миллер, В.А. Миллера, А.И. Миллера; паспорта Е.Л. Миллер, В.А. Миллера и А.И. Миллер (матери В.А. Миллера); телеграмма и удостоверение о смерти А.И. Миллера, вырезка из газеты с некрологом; университетский диплом В.А. Миллера и удостоверение об окончании Высших женских курсов и курсов Alliance Française Е.Л. Миллер; свидетельство Санкт-Петербургского университета В.А. Миллера, выданные ему свидетельства Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания и Совета присяжных поверенных; послужной список В.А. Миллера; фотографии.

^{VI} Семья Лозинских; Детство Лозинских; Наша прислуга; Литейная женская гимназия; Северный профессорский уголок; Наша русская жизнь в изгнании; Война 1939–1945; и др.

(например, заметки о русском суде и работе присяжных поверенных, о некоторых судебных курьезах, о последней встрече М. Лозинского с Н. Гумилевым в тюрьме^{VII}, об эмигрантских благотворительных организациях, о занимавшихся благотворительной деятельностью частных лицах, о жизни русской колонии в Иоханнесбурге и др.).

Воспоминаниям Миллер присущи все те особенности, которые принято считать недостатками мемуарного жанра: неточность имен и дат, многочисленные aberrации памяти^{VIII}, ярко выраженный субъективизм, основанный, кроме всего прочего, и на подчеркнуто «правой», монархической и православной, ориентации автора. Не в последнюю очередь этим определяется как выбор имен и сюжетов, так и предлагаемые автором оценки личностей и событий: И. Фондаминский и А. Толстой, например, в ее изображении поставлены в один ряд и представлены в равной степени негативно, Е. Кузьмину-Караваеву автор не может назвать по-настоящему православной, а вполне одиозная для русских парижан фигура Л. Львова приобретает ореол мученичества^{IX}. Вышесказанное отнюдь не умаляет источниковой ценности воспоминаний Миллер, но требует определенной методики работы с ними, предполагающей учет их специфики и проверку сообщаемых автором сведений справочными материалами, материалами периодической печати, другими мемуарными текстами и документами.

Текст «Женщины русской эмиграции», откуда взяты публикуемые ниже фрагменты, занимает в собрании Миллер особое место. Прежде всего, по объему — 42 страницы убористой печати — это самый большой текст после «Нашей русской жизни в изгнании». Во-вторых, в жанровом отношении его можно назвать биографическим словарем, представляющим собой своеобразную контаминацию свода некрологических статей и панегириков, хотя сама мемуаристка называет его очерком. В-третьих, своеобразен выбор персонажей: главными героинями выступают женщины, мужские же имена упоминаются в тексте как «фоновые».

В очерках освещена благотворительная деятельность русских эмигранток, понимаемая и в буквальном, и в самом широком смысле слова — как «творение блага», как бескорыстная работа на благо ближнего. Как указывает мемуаристка в предваряющей общий корпус статей заметке, «очерк посвящен Женщине Русской Эмиграции, которая заслужила, чтобы ее имя не было забыто. И я пишу не только о тех, которые отличились на разных поприщах — культурном, благотворительном, политическом, художественном, но и о простых скромных труженицах, жизнь которых проходила тихо и незаметно, но которые честно делали свое дело и воспитали отлично своих детей, несмотря на часто страшно трудные условия существования в чужой стране. <...> Я хочу, чтобы не исчез след их работы, часто более чем скромной на вид, но приносившей большую пользу или утешение другим, за что им вечная благодарность — они высоко несли знамя русской женщины. <...> Этот список включает в себе имена тех, кого я лично знала, некоторых

^{VII} Другой, не менее интересный сюжет, связанный с Гумилевым, — история знакомства и встреч с ним в доме Лозинских, описанная в письмах Е.М. Романович, и посвященные ему ему стихи (Новый журнал (Нью-Йорк). 1994. № 195).

^{VIII} Р. Тименчик, один из немногих исследователей, обращавшихся к собранию Миллер, например, относит один из ее мемуарных фрагментов к источникам дезинформации, называя его «безответственной путаницей» (*Тименчик Р. К биографии Ахматовой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 503*).

^{IX} См. фрагмент «Убийство офицеров на крейсере “Память Азова” 20 июля 1906», публикуемую ниже статью о Кузьминой-Караваевой и заключительные страницы воспоминаний о жизни во Франции, соответственно (The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University (далее — BAR). Coll. E. Miller. Box 3).

еще по России и даже с детства, с некоторыми познакомилась уже в эмиграции. <...> Те, кто тут перечислен, покинули Россию после революции, одни уже старыми женщинами, другие молодыми, третьи детьми, а еще некоторые родились уже в изгнании, но считали себя русскими эмигрантками, несмотря на часто иностранное подданство. И все те, кто тут назван, что-то внесли в сокровищницу деяний русской женщины» (с. 1, 2).

Текст, написанный по старой орфографии, представляет собой авторизованную машинопись с многочисленными добавлениями, исправлениями и уточнениями. Общее количество статей — сто двенадцать, из которых для настоящей публикации отобраны тридцать, имеющих непосредственное отношение к тематике данного сборника. Статьи различны по объему и не всегда расположены в алфавитном порядке: мемуаристка вспоминала многие имена по ходу работы и вносила их в текст по мере припоминания (в предисловии автор называет сложившийся порядок повествования «более или менее» алфавитным). Несмотря на столь внушительное число имен, список, по мнению автора, «далеко не полный», что объясняется основополагающим принципом отбора персоналий: Миллер писала лишь о тех, кого хоть в какой-нибудь степени знала лично или была знакома с их деятельностью. Она подчеркивает, что не будет касаться личных качеств тех, о ком пишет, «поскольку люди других оценивают по-разному», и постарается избежать «фаворитизма» (с. 1), — намерение, которое, на взгляд беспристрастного современного читателя, не удалось исполнить.

Авторский текст приведен в соответствие с современными нормами орфографии и печатается по ксерокопии, сверенной с оригиналом, с сохранением принятой в оригинале последовательности статей; дописывания заключены в квадратные скобки, купюры — в угловые. Сокращены, главным образом, имеющиеся в биографических справках повторы. Публикатор благодарит американский фонд IREX, грант которого 1993–1994 гг. сделал возможной работу в архиве, сотрудников архива за любезно предоставленное разрешение опубликовать материал, а также А.И. Жеребина и В.В. Сомину (С.-Петербург) за помощь в подготовке комментария. Публикатор приносит извинения за имеющиеся в комментарии лакуны (к сожалению, неизбежные при работе с текстами подобного рода) и заранее выражает признательность за любые уточнения и дополнения.

АИТОВА, жена д-ра Аитова. Имени и отчества ее я не помню¹. Она еврейского происхождения, но православная. И несмотря на свое еврейское происхождение, пострадала при немцах не она, а ее муж, о чем сказано в очерке о «Жертвах нашего времени»². Г-жа Аитова ученая женщина, химик и бактериолог, стояла во главе какого-то химического или фармацевтического учреждения, а кроме того работала на пользу неимущих русских. <...> Трагедия их жизни была гибель их единственного сына во время Второй мировой войны, он был во французских войсках офицером службы связи и был убит на севере Франции³. Дочь замужем в Швеции.

БИЛИНСКАЯ, Вера Алексеевна, племянница известного художника Поленова⁴, сама артистически одарена. Она была членом русского Комитета помощи Любимовой, но у Билинских не было никаких средств, муж ее много хворал, и она зарабатывала своей художественной работой, вышивками, рисунками, выжиганием и пр. Весьма образована. <...>

БУНИНА, Вера Николаевна⁵. О ней мало что могу написать, но для этого есть другие, более осведомленные источники⁶. Она мне была симпатична, я ее встречала у Ельяшевичей⁷, красива была очень, и я видела ее фотографию еще молоденькою девушкой, за роялем, в образе св. Цецилии⁸. Думаю, что ей было трудно со знаменитым мужем, мне казалось, что он очень властный, самоуверенный и трудный человек. У них мы не бывали, и я не видела ее в домашней обстановке.

ВОЗДВИЖЕНСКИЕ, мать и дочь. Мать, Анна Михайловна⁹, в России была сестрой милосердия и продолжала эту работу во Франции, на ночных дежурствах или у частных лиц. Была членом старой организации русского Красного Креста¹⁰. Дала отличное образование дочери. Я не помню, где училась в гимназии Оля, Ольга Сергеевна, но она потом проходила особые курсы физики и других наук, работая в то же время для хлеба насущного, обучилась педикюру, парикмахерскому искусству и еще чему-то. Об ее поездке в Россию во время войны написано в моем очерке «Жертвы нашего времени». Ездил из любознательности и по счастливой случайности не пострадала от французов. Работала Оля очень много, как и ее мать, еще репетировала с русскими школьниками и, кажется, что-то делала в русской гимназии. Мать ее скончалась недавно, Оля вышла замуж, развелась, кажется, снова замужем, не знаю. Живет в Париже. И мать, и дочь — образец русской трудящейся безропотно эмигрантки.

ГАДЗЯЦКИЕ, сестры Вера Романович и Зоя Бассет¹¹ <...> относятся к категории работавших в Белой армии и рисковавших жизнью¹². Таких среди моих знакомых было мало, большинство просто ушло от большевиков через Финляндию или другими путями. <...>

ДАНЧИЧ, Мария Ивановна, жена бывшего юрисконсульта СПб городского управления¹³, в Париже изучила уход за красотой и занималась этим. Принимала какое-то участие в делах женского Лесненского монастыря под Парижем.

ДЕЛЬБАРИ, доктор Мария Любимовна¹⁴. <...> Она была очень известна в эмиграции и ее огромная заслуга — создание общества «Быстрой помощи», которое оказывало всякую, именно быструю, помощь — медицинскую, материальную, моральную. Это же общество открыло русский дом в Ганьи, под Парижем. <...> Заслуга М[арии] Л[юбимовны] та, что она, невзирая на уже не такие молодые годы, чтобы получить право практики во Франции, прошла требуемый законом для иностранцев, кажется, трехлетний повторительный курс факультета, сдала все экзамены, причем до этого еще должна была, кажется, выдержать аттестат зрелости <...>. Без всех этих экзаменов она не могла бы открыто практиковать, хотя по мужу, бывшему учителю фр[анцузского] языка в России, была французской гражданкой. <...>

ДЕНИКИНА, Ксения Васильевна¹⁵. О ней писать много не могу, п[отому] ч[то] знакома с ней лишь письменно, когда она предложила мне, как жительнице Южной Африки, посылать ей для передачи в «Новое русское слово»¹⁶ очерки об этой стране, за что я ей много благодарна. Но она настолько известна в эмигра-

ции, и ее работа так ценится, что наша эмиграция должна гордиться и быть ей благодарной.

ДМИТРИЕВА, жена бывшего императорского морского агента во Франции, капитана I ранга Владимира Ив[ановича] Дмитриева, ее имя, по старости лет, вдруг забыла¹⁷. Жилось Дмитриевым после революции трудно, когда кончилось наше посольство и исчез источник дохода — как всегда у нас, довольно скромное содержание. Оба стали работать, он заведывал русским рестораном, она занималась какими-то рукоделиями, воспитывала трех детей, была членом нашего русского Комитета помощи (т. наз. Любимовского) и умерла в три дня от заражения крови после вырванного зуба. Одна из дочерей умерла от чахотки, а сын скончался не так давно, но до смерти престарелого отца. Осталась одна дочь.

ЕЛИСЕЕВА, Лидия Евгеньевна, жена Николая Григорьевича, в России адвоката, а в Париже служившего в одном из больших банков¹⁸. Брат его известный «японец», профессор японской премудрости, сперва в Париже, а потом в Америке, кажется, в Йельском университете¹⁹. Они сыновья одного из владельцев известной гастрономической фирмы «Братья Елисеевы»²⁰. Я не помню, зарабатывала ли что-нибудь Лидия Евг[еньевна] или нет, работала дома и отлично воспитала своих двух дочерей от первого брака. Старшая была сестрой милосердия, вторая танцовщицей. Она вышла замуж за итальянца в Америке, а старшая, кажется, во Франции. Л[идия] Евг[еньевна] охотно помогала в устройстве благотворительных вечеров. Дома у них бывало очень интересное общество.

ЕЛЫШЕВИЧ, Фаина Иосифовна²¹. Она заслуживает особого внимания и памяти. Еврейка по происхождению, она приняла православие и была более православна, чем многие, в этой вере родившиеся, и это было не внешнее отношение к церкви, а глубокое понимание сущности вероисповедания, и без всякого ханжества. У проф. Елышевича были средства, и из них много шло на помощь нуждающимся соотечественникам. Многие русские писатели и ученые-эмигранты сильно нуждались, и Фаина Осиповна образовала кружок помощи им. Носил он название AMAUR, сокращенное *Amicale des Auteurs Russes*, по-русски «Общество помощи русским авторам». Она сумела к этому делу привлечь многих, все вносили свою долю, и это распределялось между нуждающимися писателями и учеными. И делалось это так деликатно, что самолюбие измученных борьбой с нуждой людей не страдало. Возникло это общество, насколько помню, во время войны, когда почтовые сношения с другими странами, не занятыми немцами, сошли на нет, и, напр[имер], ЛИТФОНД не мог больше присылать во Францию пособий. Среди тех, кому помогали, находились, напр., голодавший Шмелев, Зайцев, проф[ессор] межд[ународного] права Байков²², живший где-то на чердаке, мой брат Г.Л. Лозинский, известнейший филолог, прив[ат]-доц[ент] СПб университета²³, в это время уже заболевший унесшей его преждевременно в могилу болезнью, которую не распознали вовремя врачи Института Кюри. И эти взносы были не грошовые, а действительно помогали.

У Елышевичей была усадьба на полпути из Парижа в Dijon. Согласно воли Ф[аины] О[сиповны], после ее кончины она перешла во владение общины сестер, не помню, как называлась эта обитель²⁴. И там было устроено общежитие

для больных русских. Несколько комнат было отведено под обитель, остальное было предоставлено пансионерам этой общины. Первым пациентом там был молодой больной серб, болезнь его была неизлечима, и нигде его не держали. Сестры его пригнали. И там же скончался Шмелев. Его туда увезли на автомобиле в Сочельник, устроили в комнате над церковью, и он мог слышать рождественскую всенощную, во время которой он и скончался²⁵. Обитель, насколько я знаю, существует и до сих пор.

Кроме таких крупных организаций, Ельяшевичи много помогали и частным лицам. И церкви получали большие взносы. Помогали и русской гимназии, где училась их дочь, умершая молодой. Она вышла замуж за хорошего человека, но скоро скончалась, будучи всегда слабого здоровья. А их единственный сын умер в Белой армии от дифтерита.

В Ф[аине] О[сиповне] и ее муже не было ни тени какого-нибудь святошества. Были веселые гостеприимные люди. В их доме можно было встретить весь цвет русской интеллигенции и литературы. И самых ученых православных иереев. Он был в свое время профессором, кажется, гражданского права в СПб. Политехническом институте²⁶, она кончила юридический факультет, кажется, в Германии. Но никакого высокомерного отношения к ее менее ученым соотечественницам у нее не было. Мир праху обоих.

КАМИНСКАЯ, д-р Лидия Абрамовна²⁷. <...> Во Франции она практиковать не имела права и, вероятно, не захотела еще три года проходить курс фр[анцузского] факультета и получила, как многие русские докторши, диплом акушерки, но, конечно, русских она лечила как врач и пользовалась очень хорошей репутацией. И, как почти все русские врачи, работала в амбулатории русско-го Красного Креста старой организации, где прием был бесплатным. <...>

КШЕСИНСКАЯ, Матильда, знаменитая наша балерина, теперь, в 1966 году, еще жива²⁸. Не знаю, продолжает ли она заниматься своей преподавательской деятельностью, но несколько лет тому назад у нее были ученицы. Вероятно, сама она не могла показывать им разные «па», но в таких случаях у преподавателя обычно имеется молодая помощница, которая все это проделывает, а преподавательница дает указания. Я ее видела последний раз в Париже в церкви, когда ей было много за 70, и она была удивительна, никакого следа лет. Книга ее о балете, написанная не так давно, очень интересна²⁹.

КАЗИЦЫНА, Елена Михайловна, рожд. Воронина, была дочерью профессора ботаники, в юности много путешествовала, жила с родителями в Париже, знала по Парижу Тургенева, и ей Рильке посвятил прелестные стихи³⁰. Вышла она за Дмитрия Алексеевича Казыцына, последнее время в Петербурге председателя городской управы, камергера³¹. Революция их занесла в Париж, где они оказались без всяких средств. Дм[итрий] Ал[ексеевич] стал генеральным секретарем русского Комитета помощи Л.И. Любимовой³². Звучит это высоко, но на самом деле существование их было более чем скромное. Дм[итрий] Ал[ексеевич] очень много работал и отлично вел дела Комитета, а Елена Мих[айловна] вела хозяйство дома Комитета, где в начале его существования жило 12 русских старых людей, была столовая для «интеллигентов», другая бесплатная для совер-

шенно неимущих, раздавалось платье, пища на дом и пр. И всем этим заведывала Е[лена] М[ихайловна], уже старый человек, а ее муж вел деловую часть. <...> Умерла она после мужа, пролежав долго в больнице, затем была перевезена в новый старческий дом в Ганьи, где и скончалась.

КИРОВА, известная в Петербурге драматическая актриса, по мужу, если я не путаю, княгиня Касаткина-Ростовская³³, очутилась во Франции и талант свой не могла приложить, я не слышала о ее выступлениях хотя бы в любительских спектаклях³⁴. Она работала в детском приюте Вильмуассон как так называемая «бельевая дама», ведя счет белья, чиня его и пр. Знаю, что дети ее очень любили <...> Они знали об ее артистической деятельности в России и гордились, что у них «бельевая дама» и княгиня, и первоклассная артистка. Где она теперь, не знаю. Знаю, что ее коллега по сцене, Рощина-Инсарова³⁵, живет в Русском доме в С. Женеви́ев де Буа.

КУЗЬМИНА. <...> она была начальницей частной гимназии в Петербурге, затем открыла среднюю школу в Болгарии, переселилась во Францию и устроила общежитие для детей, а последние годы перевела его в провинцию, дети там жили и ходили во французскую школу, а дома учились по-русски. Она спросила разрешение у директора школы давать русские уроки своим питомцам в помещении этой французской школы. Директор не только разрешил, но сам просил разрешения, чтобы на эти уроки приходили и французские дети его школы. <...>

ЗАЙЦЕВА, Вера Алексеевна, жена писателя Бориса Зайцева³⁶. Она умерла не так давно, пролежав несколько лет в параличе. Была очень славной женщиной, веселой, остроумной и приветливой. Родом она, как и он, из Москвы и происходила из рода художника Бруни. Я не знаю, работала ли она или занималась лишь домашними делами³⁷. Была очень религиозна и не только на словах. Дочь³⁸ воспитала очень хорошо.

ЛЮБИМОВА, Людмила Ивановна, рожд. Туган-Барановская³⁹, сестра очень левых взглядов профессора⁴⁰ и очень правых крупного чиновника. Училась в харьковской гимназии. Была замужем сперва за поляком Августиневичем, который умер, оставив сына, умершего раньше матери, и затем за Любимовым, одно время Виленским губернатором и перед первой войной испр[авлявшим] должность Варшавского генерал-губернатора⁴¹. Война застала их в Варшаве, и Л[юдмила] И[вановна] работала в Красном Кресте, после конца войны работала еще на пользу русских в польской уже Варшаве, но уехала сперва в Данциг, продолжая работу там, а затем в Париж, где широко развила свою деятельность. Ее знала не только вся Франция, но ее имя и заслуги были известны и в других странах, что ей очень помогало в деле получения средств на свое дело. В Париже она основала Русский Комитет помощи, который был в публике известен как Любимовский комитет. Этот комитет развил огромную деятельность благодаря ее энергии и умению привлекать к делу подходящих людей и жертвователей. Комитет начался скромно, был нанят домик в два этажа во дворе в пролетарском квартале, и там жило человек 12 старых русских людей. При нем была столовая для «интеллигентов», где люди, которые не могли ходить

в рестораны во время обеденного перерыва, получали хорошую еду за более чем скромную плату. Затем была бесплатная столовая для совершенно неимущих, раздача платья, лекарств, оказывалась медицинская помощь привлечением врачей и отправкой в больницу, юридическая — русский юрист давал советы бесплатно, выправлялись паспорта и право на работу и пр. Со временем наняли дом в другом пригороде Парижа в 40 комнат, при нем была устроена церковь. Плата была минимальная, а когда иностранцы были приравнены в смысле пенсии и пособий к французам, то бралось то, что полагалось по французскому закону, а остаток служил карманными деньгами. Так было до конца второй войны, когда ИРО⁴² переняло во Франции в свое ведение русские и другие старческие дома, которые оно отремонтировало и передало французскому правительству, оставив русскую администрацию. Но Л[юдмила] И[вановна] в прежнем домике на рю де Ванв устроила особого вида пансион для пожилых русских, которые дожидались очереди для поступления в старческие дома. Плата там была, конечно, выше, чем раньше, пособия этот дом не получал. Так продолжалось до самой кончины Л[юдмилы] И[вановны]. Она всегда была слабого здоровья — вены на ноге и глаукома, но энергия ее поддерживала. Года за два до конца ее разбил паралич, половину тела, но она сохранила полный рассудок и по телефону вела дело и более чем толково, и прекратила работу, когда ее снова разбил паралич, и через 6 месяцев она скончалась. <...>

МАЛЫШЕВА, Вера Сергеевна, падчерица известного всей русской эмиграции Мих[аила] Мих[айловича] Федорова⁴³. Кончила в СПб. Васильеостровскую гимназию и Высшие (Бестужевские) курсы⁴⁴ и работала по геологии и почвоведению. Эмигрировала с отчимом, матерью и четырьмя братьями в Париж после пребывания на юге России. Во время первой войны В[ера] С[ергеевна] была сестрой милосердия и работала в этой области и в Добр[овольческой] Армии⁴⁵. В Париже она стала работать также по своей специальности и скоро завоевала себе известность. За одну из ее работ французская Академия наук дала ей премию. Работала она при профессоре Анциферове⁴⁶, в лаборатории по своей специальности при Сорбонне, еще в каких-то учреждениях, одно время была командирована в Северную Африку. Кроме того, она много помогала своему отчиму в его работе по устройству в высшие учебные заведения русской эмигрантской молодежи. Давала уроки и вообще чем могла помогала русской учащейся молодежи в Париже. <...> И была очень религиозна. Во дворе дома, где помещался в те времена т. наз. Федоровский комитет, была устроена церковка при большом участии и Мих[аила] Мих[айловича], и Веры Сергеевны. Также она много помогала устройству русской церкви при русском кладбище в С. Женеьев под Парижем, и там она и покоится. <...>

МЕЩЕРСКАЯ, княгиня⁴⁷. Ее имя и деятельность настолько известны в эмиграции, что много прибавить я не могу. Началась ее работа с того, что она в Париже открыла, чтобы добывать средства к существованию, так наз. «финишинг-скул» для американок и англичанок, в таких школах иностранки обучались языку, французской истории, культуре, знакомились с жизнью Парижа, искусством, театрами и пр. Жили при школе. Княгиня наняла особняк в 16 аррондисманте⁴⁸, и ее имя привлекало пансионеров. Среди них оказалась богатая английская де-

вушка, Дороти Пэдджет, несовершеннолетняя тогда наследница большого состояния, очень избалованная. И ее так поразило, что княгиня не преклонялась перед ее богатством, а запрещала ей, как и другим, делать то, что по правилам школы не разрешалось, что, когда она окончила школу и с совершеннолетием стала распоряжаться своим имением, то, зная проект княгини открыть старческий дом, купила дом в С. Женеьев де Буа под Парижем и этим положила начало русским старческим домам. Княгиня прекратила свою школу и перенесла всю свою энергию на работу в этом первом русском доме (не считая давнишнего дома в Ментоне, который задолго до революции был русской санаторией для чахоточных, в те времена, когда их посылали еще на юг). Княгиня себя вся посвятила этому делу, все вакансии скоро были заполнены, дом пользовался отличной репутацией. Одно время произошли какие-то недоразумения с экономом или подобным служащим, и княгиня спрашивала совета у моего мужа, но, кажется, все наладилось и все продолжалось по-прежнему до ее кончины, которая была потерей для русских. <...>

МАТЬ МАРИЯ⁴⁹. Ее имя занимает особое, более чем трагическое место в описании русских женщин. Я ее знала давно, еще в России, была она тогда сперва Лиза Пиленко, племянница профессора международного права⁵⁰, по тем временам девушка экстравагантная, по светским понятиям плохо воспитанная, образованная и талантливая, писала стихи. Вышла замуж за Дм[итрия] Вл[адимировича] Кузьмина-Караваева⁵¹, сына генерала, профессора Военно-Юридической академии, генерала левого направления, умершего в эмиграции⁵². Дм[итрий] Вл[адимирович], товарищ мужа⁵³ по университету, человек необычный, описан мною в другом месте и как приятель мужа во дни молодости, и как иезуитский патер в эмиграции. Ее мы потеряли из виду надолго и встретились в Париже, когда она была уже матерью Марией⁵⁴, вдовой офицера Скобцова⁵⁵, брак этот был, кажется, ненастоящий, так что по бумагам она оставалась К[узьминой]-Кар[аваевой]⁵⁶. Был у нее сын⁵⁷, которого я видела молодым студентом, прекрасный молодой человек. Когда ее спросили, почему она приняла монашество, она ответила, что это ей открывает все двери. И правда, она занялась социальной помощью, устроила русский дом для малоимущих, помогала и другим способом русским, добивалась своего. Наступила вторая война. Мать Мария, всегда левых взглядов⁵⁸, конечно, была против немцев, и это ее сгубило. Точно не знаю, что произошло, но мы узнали сперва, что арестован ее сын. Говорили, что она его послала куда-то с каким-то письмом, по дороге облава, и его увезли, также и священника церкви при доме. А затем увезли и мать Марию⁵⁹. Как это произошло, тоже не знаю, верно, она была в Сопротивлении или укрывала евреев, и возможно, что кто-нибудь на нее донес. В этом в те времена не было ничего необычного, многие таким образом попадались, исчезали, затем после войны возвращались, или мы узнавали, что они погибли. Но с матерью Марией дело обстояло совсем необычно и из этой довольно взбалмошной, по-моему, и не религиозной женщины⁶⁰ сделало героиню, если не святую.

Я не знаю, кто после конца войны привез сведения об ее конце, но, насколько нам стало известно, произошло это так.

Наступила очередь евреикам идти в газовую камеру. Не знаю, как это произошло, но по тому, что случилось, можно заключить, что должно было в известный

день умереть известное количество евреек. И, верно, в этом лагере не было разделения, а еврейки сидели вместе с нееврейками. И возможно, что стража была новая и не знала их в лицо. Но нам рассказали, что дошла очередь в этот день до молодой еврейки, которая пришла в полное отчаяние, хотела жить. И ее каким-то образом заменила мать Мария, которая пошла в камеру вместо нее. Как эта замена могла свершиться, не знаю, объясняю незнанием в лицо жертв, и принималось, м[ожет] б[ыть], во внимание лишь количество их. И, м[ожет] б[ыть], мать Мария обменялась с ней одеянием, если была увезена в монашеском платье. Но известно, что она пошла вместо этой молодой женщины и умерла, отдав свою жизнь за ближнего своего. Кто ее раньше знал экстравагантной особой, не мог себе представить такого конца, но именно эта экстравагантность ее и отсутствие боязни и могло сделать это. И она «положила душу свою за други своя».

Сын ее умер от голоду в лагере. Знаю, что ему посылали посылки, которые до него, кажется, не доходили, и у него развилась чахотка. Какая судьба священника, не знаю⁶¹.

Дочь матери Марии от первого брака, Гаяна К[узьмина]-Кар[аваева], жила с ней во Франции, но послушалась увещаний приезжавшего туда Алексея Толстого и уехала в Россию и, как говорили, умерла там от тифа⁶². <...>

Тут, в Южной Африке, кажется год или два тому назад, я узнала, что мать ее, г-жа Пиленко, в свое время интересная, культурная дама, жила во Франции на юге и умерла в старческом доме, ста лет от роду, пережив дочь⁶³. <...>

МАТЬ МЕЛАНИЯ, рожд. Кон, Екатерина Любимовна, сестра д-ра Марии Любимовны Дельбари, рано овдовела, сын ее погиб во время первой войны. Монашество она приняла в эмиграции и посвятила себя не только церкви, но и помощи русским. Она открыла общежитие в доме при церкви в Аньер, пригороде Парижа, церкви, где в то время настоятелем был о. Мефодий, ныне епископ, сын профессора Николая Карловича Кульмана⁶⁴, тоже эмигранта. Понемногу вокруг матери Мелании образовывалась община, и она ее перевела в Розэ ан Бри, в часе езды от Парижа. Там был нанят большой дом, в котором помещалась эта община сестер и комнаты для старых русских женщин. В нижнем этаже была устроена церковь. В этом доме несколько месяцев летом провела моя мать после смерти моего младшего брата Гр[игория] Леон[идовича] Лозинского. Мать Меланию моя мать знала много десятков лет, еще девочкой; отец матери Мелании был товарищем моего отца по университету и шафером моей матери. Община была небольшая, но летом наезжало много пансионеров, и мать Мелания нанимала комнаты в другом доме по соседству. О своих пансионерах она очень заботилась, пища была хорошая и обильная, комнаты большие и чистые, все были довольны. Среди жительниц, когда я навещала там свою мать в 1942 году, была одна нянюшка, и говорили, что Шмелев с нее списал свою «Няню из Москвы»⁶⁵. Обитель часто навещали лица духовного звания, приезжал о. Мефодий и даже сам митрополит Евлогий⁶⁶.

В матери Мелании не было ничего слащавого, никакой деланной набожности, она была глубоко верующей, но считала, что «вера без дел мертва есть», и делала, что могла, для помощи ближнему. Людей знала отлично, видела все их слабости и ко многому относилась с юмором, разговаривать с ней было очень интересно и иногда прямо занятно. И была она очень образована.

К большой заслуге ее надо отнести то, что она скрывала у себя евреек от преследований немцев. Об этом не говорили, но знали это, и никто на нее не донес. Знаю, что одна еврейка у нее в общине носила монашеское облачение, а также говорили, что кто-то жил в том доме, где она снимала комнаты для излишка приезжавших на лето. Это было вернее, чем держать этих скрывающихся в главном доме, который был на виду, куда приходили и посторонние, и где легко мог быть устроен обыск, а в дополнительном доме было спокойнее, мало кто и знал, что она туда помещает людей. Неприятностей у нее не было в связи с этим ни разу. <...>

Мать Мелания и ее сестра докторша Дельбари были промежуточным между поколением моей матери⁶⁷ и нашим. Так что интересы наши охватывали жизнь двух поколений, и было много общих воспоминаний. И память о ней всегда остается в моем сердце.

После ее смерти, насколько я знаю, обитель продолжает существовать, но, кажется, приобрела больше характер пансиона, чем монашеской общины. Но так как при матери Мелании в ней не было ничего ханжеского, то, думаю, разница не велика, а церковь, кажется, продолжает существовать.

МАКЛАКОВА, М.С., сестра бывшего русского посла⁶⁸, очень много сделала для эмиграции. Я ее лично не знала, но слышала об ее деятельности. Насколько я помню, она была одной из создательниц русской средней школы в Париже, и она много делала для учеников. Об ее работе на пользу эмигрантов, очевидно, можно узнать из разных изданий, посвященных достижениям русской эмиграции во Франции.

НЕДОШИВИНА, Наталия Александровна⁶⁹. Не знаю ничего о ее работе в России, кажется, она юристка. В Париже она все время работала и работает в Земско-Городском Союзе (Земгор), и я с ней познакомилась, когда мы взяли под свое покровительство одну русскую сиротку. Дети эти сперва помещались в разных приютах, а затем большинство было переведено в приют в Вильмуассон, и этим делом заведывала г-жа Зернова⁷⁰. Н.А. Недошивина работала в канцелярии Земгора, работы было более чем много, между прочим переписка с людьми даже в Америке, которые брали под свое покровительство какого-нибудь русского ребенка. Не знаю, занимается ли еще Н[аталия] А[лександровна] детьми, потому что она была одной из основательниц старческого дома, устроенного Земгором в Кормей, под Парижем. После ухода с должности заведующей домом г-жи Горбовой Нат[алия] Ал[ександровна] взяла на себя это заведывание и, кажется, теперь там живет сама и ведет это трудное дело. За свои заслуги получила от фр[анцузского] правительства специальную серебряную медаль.

РОМАНОВА, Александра Вадимовна⁷¹. Ее имя и работа слишком известны в эмиграции и вне ее, чтобы можно было написать что-нибудь новое. Но повторить это надо, потому что новые поколения об ней не будут ничего знать, если не ознакомятся с работой русского Красного Креста за границей, работой, созданной и поддерживавшейся ею до самой ее кончины в Париже в 1963 году. Родилась она в Петербурге, где получила среднее образование. Принадлежала и по месту, занимаемому ее отцом, и по матери, рожд. баронессе Меллер-Закомельской,

к высшему петербургскому обществу, но эта жизнь ее не притягивала. Ее мать, Ек[атерина] Влад[имировна] Романова, исключительно умная и энергичная женщина, занималась благотворительной деятельностью, заботясь о заключенных в тюрьмах и детях в приютах. Пример матери, верно, отчасти содействовал выбору Ал[ександрой] Вад[имов]ной ее деятельности, но помимо этого служение ближнему было ей прирождено. Причем в этом служении не было ничего сентиментального, слащавого — и много раздумий благодаря тому, что она во всяком нуждающемся в помощи видела человека, а не номер, она привлекала сердца. Помимо этого у нее были большие организаторские способности, что сразу ее выдвинуло на высшие посты в Красном Кресте. Свою работу она начала в Евгеньевской общине Красного Креста и скоро заняла пост старшей сестры. Японская война и затем Первая мировая дали ей возможность вполне проявить свои способности, энергию, административный талант и врожденную заботу о ближнем. За свою работу на поле сражения она получила Георгиевскую медаль, о чем никогда не говорила. События 1917–18 годов застали семью Романовых на юге России. Среди всех ужасов им пришлось видеть убийство большевиками мальчиков. Чудом удалось выбраться из Крыма, и они очутились в Константинополе, откуда перебрались в Лондон. А[лександра] В[адимовна] проявила тут всю свою энергию. Она организовала в помещении русского посольства мастерскую шитья белья для Белой армии и беженцев, и, пока была возможность, вещи пересылались в Крым, а потом в Константинополь. А[лександра] В[адимовна] тоже устроила уличный сбор на беженские нужды в Турции, и лондонцы охотно жертвовали. Некоторые не понимали, в чем дело, но после объяснения клали свою лепту в кружку. В 1919 г. А[лександра] В[адимовна] уехала в Константинополь — насколько я помню, возникли какие-то надежды возобновления Белой борьбы, и мой муж тоже собирался туда ехать, но все очень быстро кончилось, проекты не осуществились⁷², А[лександра] В[адимовна] пробыла некоторое время в Константинополе и вернулась уже в Париж⁷³, куда переехали ее мать, сестра с дочкой и братья⁷⁴. Во Франции А[лександра] В[адимовна] проявила максимум своей энергии и административных способностей. При содействии жившего тогда во Франции графа Игнатьева, бывшего одно время министром народного просвещения⁷⁵, она сумела возобновить работу нашего Красного Креста за границей. У Красного Креста были со времени войны какие-то суммы за границей, и это позволило организовать эту работу. Пока большевики не были официально признаны другими странами, работа эта могла легко продолжаться, но после признания советской власти Францией она перестала официально признавать наш Красный Крест, и его работа стала частной, он перешел на роль частной благотворительной организации, только французы, чувствуя к нему симпатию, разрешили ему именоваться русским Красным Крестом старой организации. Благодаря энергии и уму А[лександры] В[адимовны], Красный Крест смог устроить несколько более чем нужных отделений. До сих пор, в 1966 году, во Франции существуют следующие организации: бесплатная амбулатория, где принимают русские врачи; старческий дом в Шелль, около Парижа, и при нем небольшая больница; санатория для туберкулезных в горах департамента Верхней Луары; санатория эта поставлена образцово, и многие французы там лечатся; второй дом для престарелых в Ницце; общежитие для работающих и бывших русских сестер Красного Креста в особняке в Париже; канцелярия Красного Креста находит-

ся в Париже, 61, улица Бурсо. Русские сестры, которых за границей находилось и до сих пор находится немало в эмиграции, всегда встречали у А[лександр] В[адимовны] радушный прием и советы, и она находила им частную работу или работу во французских лечебных заведениях. Ездил на собрания международного Кр[асного] Креста в других странах. Большой помощницей А[лександр] В[адимовны] была другая сестра, г-жа Толли, о которой дальше, но главную работу несла А[лександр] В[адимовна], и все эти организации обязаны ей своим существованием. Скончалась она года три тому назад в возрасте, кажется, не меньше 84 лет, но до самой роковой болезни все время работала. Письма ее всегда были очень интересны, а почерк молодой женщины. Александра Вадимовна может спать спокойно вечным сном: она сделала свое большое дело на пользу ближнему в очень трудных условиях и с достоинством пронесла за свою долгую жизнь знамя Красного Креста.

ТОЛЛИ, Ольга Владимировна, по мужу Костедоа (?). <...> О[льга] В[ладимировна] была заслуженной сестрой русского Красного Креста. Ее семья французского происхождения, они были киевскими жителями и эмигрировали после революции. О[льга] В[ладимировна] была приятельницей А.В. Романовой, состояла также членом русского Красного Креста старой организации и работала вместе с А.В. Романовой. После смерти А[лександр] В[адимовны] она, кажется, оказалась единственной русской старшей сестрой в эмиграции. <...>

ТОЛСТАЯ, Александра Львовна⁷⁶. О ней слишком много известно, чтобы мне еще прибавлять что-либо. Есть лучшие источники. Могу лишь от себя сказать, что мы, русские женщины, можем лишь гордиться ею и преклоняться, что у нас такая сестра. История эмиграции ее не забудет, да и не только история эмиграции, а история вообще. Заветы своего великого отца она свято сохранила.

ФИШЕР, Екатерина Сергеевна. Лично я ее не знаю, но слышала и читала много об этой замечательной женщине, которая не хочет, чтобы ее фамилия упоминалась в прессе, поэтому о ней всегда пишут как о Екатерине Сергеевне. Она замужем за швейцарцем. В Белой армии потеряла брата и посвятила свою жизнь помощи белым воинам в изгнании. Ею устроено несколько домов в Ницце и других местах, где нуждающиеся в отдыхе бывшие русские военные могут отдыхать, чего бы иначе были лишены. Она устроила в Париже Дом белого воина, где устраиваются собрания, лекции и пр. Я знаю случай, когда один член Общевоинского союза, нуждавшийся в операции, был ею приглашен в Швейцарию, где за ее счет ему сделали сложную операцию. Помогает и русской церкви.

ШАМЬЕ, Екатерина Антоновна⁷⁷. Это одна из самых замечательных русских женщин вообще. Родилась она в Одессе, отец был сирийского происхождения, нотариус, мать русская. Высшее образование получила на Бестужевских курсах в Петербурге, специализировалась по физике. После революции семья Шамье (отец тогда уже умер) в числе матери, трех сыновей и двух дочерей переехала во Францию, что им было легко сделать, так как в те времена Сирия была под

протекторатом Франции, и они считались как бы французами. Екатерина Антоновна стала работать в Институте Кюри, вначале состояла помощницей Марии Кюри, до ее смерти. Работала она в Институте до своей кончины от рака, вероятно, последствия постоянного воздействия X-лучей и радия. Но главная цель ее жизни была работа на пользу русской эмигрантской молодежи. Сюда она вложила все свои силы и талант. В самом начале эмиграции была в Париже открыта русская средняя школа, и Екатерина Антоновна с первых дней стала преподавать физику и, кажется, математику. Но обычная педагогическая работа ее не удовлетворяла, и она вся посвятила себя моральной заботе о молодежи. Она делала для них все, что могла, делала из них настоящих людей. Среди этой молодежи, особенно первого периода, были юноши из Добровольческой армии, не получившие настоящего образования, были бежавшие от большевиков и потерявшие след своих семей, вся обстановка их жизни была ненормальна, и Е[катерина] А[нтоновна] делала все, чтобы из них сделать настоящих людей. И вся эта молодежь, часто недисциплинированная, беспрекословно слушалась ее. Когда они начинали слишком шуметь, собирались сделать что-то, недозволенное правилами школы, стоило ей сказать лишь: «Дети, я прошу вас, не делайте этого ради меня», как они беспрекословно повиновались, причем тут страх наказания не играл никакой роли, а только уважение и любовь. Психологию молодежи она отлично понимала, о чем свидетельствуют ее труды в этой области. Кроме работ по физике, она писала именно об этой психологии. Шамье жили более чем скромно. Старший брат, композитор, был профессором Русской консерватории, с соответствующим грошовым содержанием. Сестра была балериной⁷⁸ и после смерти матери переселилась в Нью-Йорк, где открыла студию. После войны Татьяна Ан[тоновна] выписала к себе сестру погостить, и Екатерина Антоновна, научные заслуги которой были хорошо известны и вне Франции, могла бы там остаться и отлично материально устроиться, но вернулась и объяснила мне свое возвращение следующими словами: «Нет, я останусь с ними до конца». С ними — это с ее учениками русской гимназии, которой она, насколько я знаю, отдавала свое содержание для завтраков бедным ученикам, которые не могли их оплачивать. И она осталась с ними до конца. Скончалась она вскоре после окончания экзаменов на аттестат зрелости. Екатерина Антоновна была при моем брате, ее коллеге <...> за несколько часов до его смерти и обещала ему, дала слово, что ученики его выдержат экзамен, и она и они сдержали слово. Сестра Ек[атерины] Ан[тоновны] умерла в Нью-Йорке от менингита, который ее сразил в несколько часов. Слава Богу, она до этого не дожила. Но перенесла потерю младшего брата, в свое время юного члена Белой армии. Брат-композитор умер не так давно. Не знаю, жив ли третий брат. Семья была исключительно дружна, и все они преклонялись перед своей сестрой. А я счастлива, что она меня дарила своим доверием, и благодарна за ее отношение к моему брату.

Надо добавить, что Екатерина Антоновна была глубоко верующей.

ЯСИНСКАЯ, Вера Степановна, посвятила свою жизнь русским детям, учительствовала в русской гимназии, где годами в ее ведении были приготовительные классы. Она всю себя отдала этому делу. Теперь она, кажется, в отставке и живет в русском старческом доме, где ухаживает за больными пансионерами.

Примечания

- ¹ Аитова (урожд. Бернштейн) Маргарита Николаевна (1877–1969), см. некрологи: Русская мысль (Париж). 1969. 21 авг. № 2752; 18 сент. № 2756; жена врача, доктора медицины, члена правления Общества русских врачей им. И.И. Мечникова, масона Владимира Давыдовича Аитова (1879/89–1963), см. некрологи: Русская мысль (Париж). 1963. 14 сент. № 2047; 19 сент. № 2049; 12 окт. № 2059; Русские новости (Париж). 1963. 11 окт. № 958; см. также: *Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 130.
- ² Доктор Аитов во время оккупации Франции был депортирован немцами в Бухенвальд, в мае 1945 освобожден американцами и доставлен в Париж; Берберова пишет, что слух о его депортации был ложным (*Берберова Н.Н.* Люди и ложи. С. 130).
- ³ Аитов Сергей Владимирович (1913–1941) — лейтенант французской армии, погиб на фронте.
- ⁴ Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927) — живописец, передвижник; театральный художник; организатор народного театра; композитор.
- ⁵ Бунина (урожд. Муромцева) Вера Николаевна (1881–1961) — общественная деятельница; переводчица, мемуаристка; жена И.А. Бунина с 1906 г., автор книг «Жизнь Бунина. 1870–1906» (1958) и «Беседы с памятью» (1955–1963); см. о ней: *Зайцев Б.К.* Повесть о Вере // *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (дополн.). М., 1999. С. 372–392.
- ⁶ См., напр.: *Бахрах А.В.* Бунин в халате: По памяти, по записям. Мюнхен, 1979; *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. М., 1995.
- ⁷ О Ельяшевичах см. далее.
- ⁸ Святая Цецилия — христианская мученица, казнена в Риме около 230 г. н. э. при Александре Севере; покровительница музыкантов; день св. Цецилии празднуется 22 ноября.
- ⁹ Воздвиженская (урожд. Маркович) Анна Михайловна (1874–1960) — возможно, жена врача из Москвы, член Дамского благотворительного тюремного общества; см. некролог: Русские новости (Париж). 1960. 11 марта, № 771. Сведениями о ее дочери Ольге Сергеевне публикатор не располагает.
- ¹⁰ Красный Крест — добровольные общества помощи военнопленным, раненым и больным во время войны; в мирное время оказывает помощь пострадавшим от стихийных бедствий, эпидемий, политических катаклизмов; организации Красного Креста начали создаваться в 1860-е гг.; о старой организации русского Красного Креста см. статью, посвященную А.В. Романовой.
- ¹¹ Вера Мелетьевна Романович и Зоя Мелетьевна Бассет (урожд. Гадзяцкие) — дочери присяжного поверенного Мелетия Христофоровича Гадзяцкого, коллеги и близкого знакомого отца мемуаристки Л.Я. Лозинского; сестры милосердия, участницы Белого движения; в эмиграции с 1920 г.; Романович жила в Сирии, затем в Тегеране, Бассет — в Англии; см. воспоминания В. Романович, ее стихи и письма к Миллер: Новый журнал (Нью-Йорк). 1994. № 195 (публ. О. Демидовой); см. также книгу мужа З. Бассет полковника Бассета «The Royal Marine»; стихи Романович см. в ее единственной книге «Грань» (1917/18), в парижском журнале «Возрождение» (1964. № 155. Ноябрь); письма обеих сестер хранятся в собрании Миллер Архива русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевского) Колумбийского университета, там же хранится посвященный им мемуарный очерк «Сестры Гадзяцкие» (1966), в котором автор подробно рассказывает о семье Гадзяцких, о первой встрече с Верой в Петербурге и о судьбе сестер в эмиграции.
- ¹² В очерке «Сестры Гадзяцкие» Миллер пишет: «Как мы узнали из рассказов моей све-крови и некоторых других лиц, с наступлением революции и началом Белого движения сестры сразу стали на сторону белых и начали помогать военным перебираться в Белую армию, кажется, подделывая документы и давая нужные указания, как ехать, у

- кого останавливаться и пр. <...> Хотя все их труды, сопряженные с опасностью для их молодых жизней, и не увенчались успехом, и обе оказались в изгнании, но обе могут с чистой совестью сказать, что постарались для родины» (BAR. Coll. E. Miller. Box 3. Folder 7).
- ¹³ Данчич (урожд. Маттери) Мария Ивановна (1888–1969) — жена Санкт-Петербургского присяжного поверенного Ивана Михайловича Данчича (1863–1950); см. некрологи: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 18 дек. № 21737; Русская мысль (Париж). 1969. 11 дек. № 2769; 18 дек. № 2769; Новое русское слово (Нью-Йорк). 1950. 16 апр. № 13869 соответственно; ср. воспоминания Миллер о парижских встречах с И.М. Данчичем в очерке «Наша русская жизнь в изгнании. Этап третий: Франция (1921–1947)»: «Из приятных встреч была встреча с Иваном Мих[айловичем] Данчичем, прис[яжным] поверенным, в молодости помощником моего отца, с которым сохранил дружбу на всю жизнь. Данчич был в Петербурге городским юрисконсультom, первая его жена была убита на даче в Финляндии, страшно редкое в те времена явление. Вторая была богатая вдова, прожила недолго, Д[анчич] от нее получил большое наследство и женился в третий раз на молоденькой. <...> Я его знала с раннего детства и он мне был дорог по памяти отца. Человек был в высшей степени культурный. Говорил он на нескольких языках, по-итальянски, по-немецки — в свое время город С.-Петербург командировал его в какой-то немецкий университет, кажется в Гейдельберг. Родом он был с Дона. Первая жена его, Анна Ивановна, была казачка, талантливая художница, у нее была от первого брака дочь Надя Колосова, моложе меня года на четыре, мы часто виделись. При первой жене у Данчича было очень интересно, при второй вкусно. Третья была большая патриотка, жила интересами Белого движения» (BAR. Coll. E. Miller. Box 2).
- ¹⁴ Дельбари Мария Любимовна (?–1961) — врач; см. некрологи: Русская мысль (Париж). 1961. 20 авг. № 2193; Русские новости (Париж). 1961. 22 сент. № 851.
- ¹⁵ Деникина (урожд. Чиж) Ксения Васильевна (1892–1973) — жена главнокомандующего Добровольческой армии генерал-лейтенанта А.И. Деникина (1872–1947); в 1926–1945 гг. жила во Франции, с конца 1945 г. в США, служила в Славянском отделе Колумбийского университета (Нью-Йорк), сотрудничала в русских периодических изданиях; в последние годы жизни вновь во Франции, в семье дочери М.А. Деникиной-Кьяпп; см. некрологи: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1973. 5 марта; 6 марта; 12 марта; 13 марта; Русская мысль (Париж). 1973. 8 марта, № 2937; 15 марта, № 2938; Часовой (Брюссель). 1973. № 562.
- ¹⁶ «Новое русское слово» — ежедневная газета, старейшая в Америке русская газета, выходит в Нью-Йорке с 1910 г.; подробнее см., напр.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 255–258; Цыкова О. «Новое русское слово» — феномен долголетия // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 162–181.
- ¹⁷ Дмитриева (урожд. Щербачева) Татьяна Юрьевна (Евгеньевна) (1885–1938) — жена капитана I ранга Владимира Ивановича Дмитриева (1879–1965); см. некрологи: Последние новости (Париж). 1938. 22 июля. № 6326; о В.И. Дмитриеве см.: Русская мысль (Париж). 1965. 20 февраля. № 2272; там же. 1966. 12 февраля. № 2425; 15 февраля. № 2426; 22 февраля. № 2429; Часовой (Брюссель). 1965. № 465; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. Т. 2. М., 1999. С. 379.
- ¹⁸ Елисеев Николай Григорьевич (1890–1968) — адвокат, помощник присяжного поверенного; с 1931 г. член, с 1951 г. казначей правления (комитета) Союза русских адвокатов за границей; масон; см. некрологи: Русская мысль (Париж). 1968. 29 авг. № 2701; 26 сент. № 2705; там же. 1969. 21 авг. № 2752.
- ¹⁹ Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) — японолог, с 1916 г. до эмиграции служил в Петроградском университете; в Париже — директор отдела японоведения в Высшей школе практических знаний Парижского университета, в 1931 г. читал лекции в Сорбонне; с 1935 до 1957 г. преподавал в Гарвардском университете (США); в 1957 г.

- возвратился в Париж; член академий во Франции, США, Англии и Японии; см. некролог: Русская мысль (Париж). 1975. 15 мая. № 3051.
- 20 Отец Н.Г. и С.Г. Елисеевых — Григорий Григорьевич Елисеев (1858–1942), с 1896 г. управлявший делами товарищества; в 1914 г. отошел от дел и уехал за границу, похоронен во Франции; о нем и о династии Елисеевых см.: *Барышников М.Н.* Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 164–166.
- 21 Ельяшевич Фаина Осиповна (Иосифовна) (?–1942) — общественный деятель, переводчица, жена историка, экономиста и правоведа Василия Борисовича Ельяшевича (1875–1956), преподававшего гражданское право в Парижском университете; свою двухтомную монографию «История права поземельной собственности в России» (Париж, 1948, 1951) Ельяшевич посвятил памяти «бесценного друга — жены»; Ельяшевичи были близкими друзьями Буниных, см., напр., письма В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной // Минувшее. Вып. 8. М., 1992 (по указат. имен); *Зайцев Б.К.* Повесть о Вере (по указат. имен).
- 22 Байков Александр Львович (1874–1943) — профессор, с 1913 г. возглавлял кафедру международного права в Московском университете; в 1919–1920 гг. читал международное право в Таврическом университете в Симферополе; в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Париже, являлся сотрудником Русского юридического факультета и Франко-русского института, членом Русского академического союза.
- 23 Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — прозаик, публицист; в эмиграции с 1922 г.; о нем см.: *Кутырина Ю.* Иван Сергеевич Шмелев. Париж, 1960; *Сорокина О.* Москвитина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 1. Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 454–457 (с библиогр.).
Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — прозаик, мемуарист, переводчик; в эмиграции с 1922; о нем см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 1. С. 169–172 (с библиогр.).
Лозинский Григорий Леонидович (1889–1942) — литературовед, историк литературы, переводчик; младший брат Миллер; в эмиграции с августа 1921 г.; в собрании Миллер хранится некролог Г.Л. Лозинского и статья для предполагавшейся к изданию «Золотой книги эмиграции» «Приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета Г.Л. Лозинский» (с подробной библиографией) // BAR. Coll. E. Miller. Box 3. File Grigorii Leonidovich Lozinskii. Manuscripts by E.L. Miller. L–R.
- 24 Имение (усадьба) Ельяшевичей Ла-Пуэжett находилось вблизи аббатства Тароне, департамент Вар, там летом 1925 и 1926 гг. жили Зайцевы; кроме того, Ельяшевич владел усадьбой в Бюсси-ан-От, департамент Йонна, где Зайцевы жили в летние месяцы 1940–1943 гг.; после смерти жены Ельяшевич в память о ней подарил усадьбу русским монахиням, — впоследствии там был православный монастырь Покрова Божией Матери.
- 25 Ошибка мемуаристики: Шмелев скончался 24 июня 1950 г.; последний день жизни он действительно провел в женской обители в Бюсси-ан-От, где сдавались комнаты с пансионом; ср. описание последнего дня жизни Шмелева: «Накануне отъезда (в Бюсси-ан-От. — О.Д.), который был назначен на 24 июня, Шмелев разговаривал с Зеелером о литературных правах, о планах работы над “Путями”. В одиннадцать часов утра к нему собрались близкие друзья попрощаться. <...> Прибыли в Бюсси в пять часов. Приветливые монахини отвели ему комнату на втором этаже, в которой останавливались Зайцевы, и поэтому комната называлась “зайцевской”. <...> Ивану Сергеевичу захотелось пойти ко всенощной, но его отговорили, чтобы писатель, усталый с дороги, не переутомился. <...> В девять часов вечера Шмелев решил лечь, отказавшись от помощи, позволив только Марии Тарасовне Волошиной развязать его ботинки и заменить их ночными туфлями. Не прошло и десяти минут после того, как Мария Тарасовна с матушкой Феодосией удалились, как они слышали стон и

шум от падения тела. Обе женщины быстро поднялись и нашли Ивана Сергеевича на полу между столом и кроватью. Они подняли его на кровать. Он был в полном сознании <...> попросил выпрыснуть ему камфару»; в цитируемом далее отчете матушки игуменьи указано, что «в 9.30 вечера раб Божий Иоанн преставился ко Господу» (Сорокина О. Московияна. С. 341, 342). См. также: Зеелер Вл. Последний день Шмелева // Русская мысль (Париж). 1950. 2 августа; ср. письмо Б. Зайцева М.С. Цетлиной от 2 июля 1950: «В четверг похоронили И.С. Шмелева. Он был очень слаб после операции и у него открылся старческий туберкулез. Его отправили на отдых в деревню — бывшее имение Ельяшевича, которое он подарил не так давно православным монахиням. В этом Bussy-en-Othe и мы провели два лета (при немцах), там отличный дом, все очень хорошо устроено. Шмелева привезли туда 24 июня и в тот же день вечером в нашей так называемой “зайцевской” комнате он скончался от припадка грудной жабы. <...> Похоронили его в St. Genevieve des Bois, в склепе рядом с покойной его супругой (она его опередила на 14 лет)» (University of Illinois Library at Champaign-Urbana. Slavic and East European Library. S. Pregel and V. Rudnev Collection. Box 3).

Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) — общественный и политический деятель (кадет), юрист, журналист, художественный критик, мемуарист; в эмиграции с 1920 г. (Константинополь — Париж); член комитета парижского Земгора, в 1921 г. один из организаторов, затем секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, секретарь Союза русских адвокатов во Франции.

Мария Тарасовна — швейцарская знакомая Шмелева, жена физика Ф.Е. Волошина, ухаживавшая за Шмелевым после операции; по его словам, «без ее совета и ухода <...> он был бы мертв» (Сорокина О. Московияна. С. 339).

- ²⁶ До 1917 г. В.Б. Ельяшевич был профессором гражданского права Высших Бестужевских курсов, Политехнического института и экономического отделения Петроградского университета.

- ²⁷ Каминская (урожд. Асс) Лидия Абрамовна (1877–1970) — врач, доктор медицины; см. некролог: Русская мысль (Париж). 1970. 19 марта. № 2782; муж Каминской, присяжный поверенный Сергей Владиславович Каминский, был давним петербургским знакомым Миллеров и коллегой В.А. Миллера, о Каминских Е.Л. Миллер подробно пишет в очерке «Наша русская жизнь в изгнании. Этап третий: Франция (1921–1947)»: «Каминский принимал большое участие в делах русской консерватории и сейчас состоит членом правления. Он пел и принимал участие в концертных турне хора Сергиевского подворья. Пел в подрянике. Хор давал концерты за границей, и в один из приездов в Англию Каминского поместили, как было принято, в частном доме в качестве гостя. Хозяином оказался красный декан Кентерберийского собора. Разговоры их кончились чем-то вроде размолвки, и думаю, что после этого декан к себе наших певцов больше не приглашал. Жена Каминского — женщина-врач, одна дочь работала в балете в качестве не то секретаря, не то чего-то подобного и писала о балете. Старшая дочь, Татьяна Сергеевна, дантистка, развелась с одним из многочисленных Иловайских и вышла за Михаила Влад[имировича] Малинина, сына Московского Малинина <...>. Лидия Абрамовна Каминская, как иностранка, не имела права практики, бумаги у нее были не то на звание сестры, не то массажистки, но русских она принимала» (BAR. Coll. E. Miller. Box 2).

- ²⁸ Романовская-Красинская (урожд. Кшесинская) Матильда Феликсовна (1872–1972) — балерина, заслуженная артистка Императорских театров; с 1921 г. жена великого князя Андрея Владимировича; в эмиграции с 1920 г., с 1929 г. имела собственную студию в Париже; мемуаристка; см. ее «Воспоминания» (М., 1992; впервые: Париж, 1960, на фр. яз.).

- ²⁹ Вероятно, автор имеет в виду «Воспоминания» Кшесинской.

- 30 Казицына (урожд. Воронина) Елена Михайловна (1869–1954) — дочь известного зоолога и физиолога М.С. Воронина (1838–1903); корреспондент Р.М. Рильке; знакомство с ним состоялось в 1898 г. в Яреджо, переписка длилась с 30 мая 1898 по 17 октября 1899 и прервалась после замужества Ворониной; в феврале 1925 г., во время своего последнего визита в Париж, Рильке вновь увиделся с нею и написал ей три коротких письма; текст писем см.: Рильке и Россия. Письма, дневники, воспоминания, стихи / Подгот. изд. К. Азадовский. СПб., 2003.
- 31 Казицын Дмитрий Алексеевич (1863–1954) — камергер Двора, председатель С.-Петербургской городской думы; по образованию математик; в эмиграции и. о. генерального секретаря в Русском комитете помощи эмигрантам; см. некрологи: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1954. 1 марта. № 15282; 7 марта. № 15283.
- 32 О Любимовой см. прим. 39.
- 33 Кирова Дина Никитична (1880? – начало 1950-х) — актриса, антрепренер; в 1903–1907 гг. играла в петербургском «Фарсе», в московском театре К.Н. Незлобина и в провинции (антреприза Н.Н. Синельникова), с 1907 г. — актриса Суворинского театра в Петербурге; в эмиграции с 1920 г. (Болгария, Сербия, Франция — с 1923 г.). Касаткин-Ростовский Федор Николаевич, князь (1875–1940) — поэт, прозаик, драматург, театральный деятель; муж Кировой; участник Белого движения.
- 34 Ошибка мемуаристки: в 1926–1928 гг. в Медоне, предместье Парижа, Кирова держала небольшую труппу, спектакли которой пользовались неизменным успехом; сама Кирова выступала как актриса; в 1928 г. на основе этой труппы был создан «Интимный русский театр» (существовал до 1933 г.), в котором Кирова занималась коммерческой стороной дела, но изредка выступала в спектаклях; после закрытия театра Кирова с мужем бедствовали, жили в монастырском приюте для инвалидов «Ла Солитюд», где Кирова служила кухаркой; после Второй мировой войны служила кастеляншей («белевой дамой») в русском детском доме в Вильмуассон и помогала детям ставить любительские спектакли.
- 35 Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная) Екатерина Николаевна (1883–1970) — актриса; сестра актрисы В.Н. Пашенной; жена графа С. Игнатьева; в эмиграции с 1919 г.; последние годы жизни (с 1957 г.) жила не в Сент-Женевьев-де-Буа, а в Кормей-ан-Паризи; о ней см., напр.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 548–549.
- 36 Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова) Вера Алексеевна (1879–1965) — жена Б.К. Зайцева (с 1902 г.); о ней см., напр.: *Берберова Н.Н.* Курсив мой. Автобиография. М., 1996 (по указат. имен); Другая Вера (Письма В.А. Зайцевой к В.Н. Буниной) // *Зайцев Б.К.* Собр. соч. Т. 6. С. 393–468.
- 37 В.А. Зайцева выполняла разного рода временные работы: гуляла с детьми состоятельных родителей и пр., см. ее письма к В.Н. Бунинной (Там же).
- 38 Зайцева (в замуж. Соллогуб) Наталья Борисовна, мемуаристка; см.: *Зайцева-Соллогуб Н. Я* вспоминаю. Устные рассказы. М., 1998.
- 39 Любимова (урожд. Туган-Барановская) Людмила Ивановна (1877–1960) — жена Д.Н. Любимова, мать журналиста Л.Д. Любимова (1902–1976), в 1948 г. вернувшегося в СССР; прототип княгини Шеиной в «Гранатовом браслете» А.И. Куприна; общественная деятельница; в эмиграции с 1918 г.; в собрании Миллер хранится очерк о ней (BAR. Coll. E. Miller. Box 3. File Manuscripts by E.L. Miller. L–R).
- 40 Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) — экономист, социолог; политический деятель, «легальный марксист»; подробнее о нем см.: *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 645–647 (с библиогр.); Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 627–628 (с библиогр.).

- 41 Любимов Дмитрий Николаевич (1863–1942) — государственный деятель, с 1887 на службе в Министерстве государственных имуществ; начальник канцелярии министра внутренних дел (1902); виленский губернатор (1906); директор Департамента государственных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия (1912); товарищ главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию прошений (1913); сенатор, помощник варшавского генерал-губернатора (1914); консультант И.Е. Репина во время работы над картиной «Заседание Государственного совета»; свойственник А.И. Куприна, прототип князя Шеина в «Гранатовом браслете»; отец Л.Д. Любимова; в эмиграции с 1918 г.
- 42 ИРО (IRO) — Международная организация по делам беженцев (International Refugee Organization), действовавшая под эгидой Организации Объединенных Наций.
- 43 Малышева Вера Сергеевна (1886–1964) — за участие в Первой мировой войне была награждена Георгиевской медалью; в Петрограде была ассистенткой Высших Женских курсов; в эмиграции работала в Минералогической лаборатории парижского «Музеума», затем в Институте палеонтологии человека, в лаборатории физической географии Сорбонны, на физико-математическом факультете при Русской Академической Группе в Париже; см. некрологи: Русская мысль (Париж). 1964. 8 декабря. № 2242; Там же. 1965. 1 января. № 2251. В собрании Миллер хранится очерк «Вера Сергеевна Малышева» (BAR. Coll. E. Miller. Box 3. File Manuscripts by E.L. Miller. U–Z); Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — в Париже глава Совета помощи студентам; благодаря его стараниям удалось добиться поддержки президента Пуанкаре и получить более тысячи стипендий для русских студентов.
- 44 Высшие женские Бестужевские курсы были открыты в Санкт-Петербурге в 1878 г., названы по имени их официального учредителя К.Н. Бестужева-Рюмина.
- 45 Добровольческая армия была создана в Новочеркасске в ноябре-декабре 1917 г. для борьбы с большевиками, начало ей положила т. наз. «Алексеевская организация», основанная генералом М.В. Алексеевым 2 (15) ноября 1917 г. в Новочеркасске; 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) организация получила официальное название «Добровольческая армия», в командование вступил генерал Л.Г. Корнилов; впоследствии армию возглавляли генералы А.И. Деникин, П.Н. Врангель; в 1919 г. армия входила в состав Вооруженных сил Юга России; в октябре 1919 — марте 1920 разбита Красной армией, оставшиеся части эвакуированы в Константинополь.
- 46 Вероятно, ошибка мемуаристки: имеется в виду не Алексей Николаевич Анцыферов (1867–1943) — экономист, педагог, публицист, кооператор; в эмиграции с 1920 г., жил в Чехословакии, Франции; с 1923 г. возглавлял Русскую академическую группу в Париже (подробнее о нем см.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 43–45), а известный почвовед Валерий Константинович Агафонов (1863–1955), которому Малышева помогала добиться признания и развития во Франции русской науки почвоведения.
- 47 Мещерская (урожд. Струве) Вера Кирилловна (1876–1949) — основательница пансиона для девушек из состоятельных семей, Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа.
- 48 Arrondissment (фр.) — округ.
- 49 Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова; в монашестве мать Мария) Елизавета Юрьевна (1891–1945) — поэтесса, прозаик, драматург, общественный деятель, мемуаристка; в эмиграции с 1920 г.; соучредитель и председатель объединения «Православное дело» (1935–1943), участница французского Сопротивления; арестована, погибла в концлагере; о ней см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 1. С. 228–231 (с библиогр.); Носик Б.М. На погосте XX века: Меланхолическая прогулка по знаменитому русскому некрополю Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. СПб., 2000. С. 304–310; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 320–322; Гаккель С. Мать Мария. М., 1993 и др.

- 50 Кузьмина-Караваева была дочерью юриста Ю.Д. Пиленко, вышедшего в отставку в 1895 г.; известный виноградарь, Пиленко с весны 1905 до весны 1906 г. был директором Никитского ботанического сада и училища виноделия в Ялте, после чего был переведен на службу в Петербург; после скоропостижной кончины Пиленко его вдова с сыном и дочерью приехала в Петербург, где девочка была определена на учебу в гимназию Л.С. Таганцевой, откуда осенью 1908 г. перешла в гимназию М.Н. Стоюниной.
- 51 Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959) — юрист, присяжный поверенный, выпускник С.-Петербургского университета; политический (социал-демократ, меньшевик) и земский деятель; в 1922 г. выслан из России; в Риме получил высшее богословское образование, католический священник; деятель экуменической церкви; умер в Ватикане; см. некролог: Русская мысль (Париж). 1959. 26 марта.
- 52 Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) — юрист, выпускник Пажеского корпуса, камер-паж Александра II; получил высшее военно-юридическое образование, в 1890–1905 гг. профессор Александровской военно-юридической академии, с 1908 г. читал курс уголовного права в С.-Петербургском университете; земский деятель; член I и II Государственной думы; в гражданскую войну министр юстиции в правительстве генерала Юденича; масон; в эмиграции жил в Париже; см. некрологи: Возрождение (Париж). 1927. 18, 25 февраля, 1 марта; Последние новости (Париж). 1927. 18 февраля; Руль (Берлин). 1927. 20 февраля; Новое время (Белград). 1927. 23 февраля; Новое русское слово (Нью-Йорк). 1927. 7 марта.
- 53 Миллер Владимир Анатольевич (1885–1958) — юрист, ученик Л.Я. Лозинского, друг М.Л. Лозинского, муж Е.Л. Миллер (с 1907 г.); в эмиграции с 1918 г. (Дания — Англия — Франция — Южная Африка).
- 54 Кузьмина-Караваева приняла постриг 16 марта 1932 г. в храме Сергиевского подворья в Париже; обряд пострижения совершил владыка Евлогий; имя Мария было дано ей в честь святой Марии Египетской.
- 55 Скобцов Даниил Ермолаевич (1885–1969) — кубанский казак; общественный деятель; писатель, мемуарист; второй муж Кузьминой-Караваевой (с 1919 по 1932 г.); перед постригом Кузьминой-Караваевой митрополит Евлогий дал супругам Скобцовым церковный развод; де-юре они оставались мужем и женой до конца жизни.
- 56 Некоторые свои прозаические произведения Кузьмина-Караваева подписывала фамилией второго мужа.
- 57 Юрий Скобцов родился в 1921 г.; кроме того, у Скобцовых была дочь Анастасия (1922–1926); о них см.: *Носик Б.М.* На погосте XX века. С. 436–438 (с фотогр.).
- 58 С марта 1917 г. Кузьмина-Караваева была членом партии эсеров.
- 59 Об обстоятельствах ареста и гибели матери Марии, отца Дм. Клепинина, Ю. Скобцова и Ф.Т. Пьянова см., напр.: *Гаккель С.* Мать Мария; см. также письма Кузьминой-Караваевой и Ю. Скобцова из заключения (*Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб., 2001. С. 654–658).
- 60 Ошибка мемуаристики или намеренное искажение фактов; о религиозности матери Марии см.: *Манухина Т.И.* Монахиня Мария // *Кузьмина-Караваева Е.* Избранное. М., 1991; *Мочульский К.В.* Монахиня Мария (Скобцова) // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1; *Гаккель С.* Мать Мария; Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского). М., 1994; *Шустов А.Н.* Сила веры и сила слова // *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Равнина русская. С. 5–26.
- 61 Отец Дм. Клепинин и Ю. Скобцов погибли в Бухенвальде, куда были отправлены 16 декабря 1943 г. из пересыльного лагеря Компьень; в Компьене о. Димитрий рукоположил Ю. Скобцова в священники.

- 62 Старшая дочь Кузьминой-Караваевой Гаяна уехала в СССР летом 1935 г. с А.Н. Толстым, старым другом поэтессы, приезжавшим в Париж на Всемирный конгресс писателей в защиту культуры; летом 1936 г. Гаяна скоропостижно скончалась в Москве; подробнее см.: *Шустов А.Н.* Встречи судеб: Е.Ю. и Г. Кузьмины-Караваевы и А.Н. Толстой // *Филологические записки. Воронежский гос. ун-т.* 1997. Вып. 9. С. 212–222.
- 63 Пиленко Софья Борисовна (17.08.1862–21.06.1962) не дожила двух месяцев до своего столетнего юбилея; см. ее воспоминания в кн.: *Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк.* Париж, 1947.
- 64 Кульман Николай Карлович (1871–1940) — профессор русского историко-филологического отделения Сорбонны; его сын о. Мефодий (1902–1974) был настоятелем храма Христа Спасителя в Аньере, затем — помощником епископа в кафедральном соборе на рю Дарю в Париже; подробнее о нем см.: *Носик Б.М.* На погосте XX века. С. 320–321.
- 65 Роман Шмелева «Няня из Москвы» был впервые опубликован в парижских «Современных записках» (1934. № 55–57), отдельное издание вышло в свет в 1936 г.; прототипом героини, оказавшейся в Париже русской няни Дарьи Степановны Синицыной, от лица которой ведется повествование (сказ), послужила няня Груша из семейства Ф.Ф. Карпова в Севре, где в 1926–1927 гг. жил Шмелев; подробнее об истории создания романа см.: *Сорокина О.* Москowiана. С. 238–249.
- 66 Евлогий (в миру Александр Семенович Георгиевский) (1868–1946) — церковный и общественный деятель, возведен в сан митрополита 17 января 1922 г. указом патриарха Тихона; подробнее о нем см.: *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции.* С. 228–230; см. также его книгу «Путь моей жизни» (Париж, 1947).
- 67 Мать мемуаристки — Лозинская (урожд. Макаревич) Анна Ивановна (1857–1948).
- 68 Ошибка мемуаристики: имеется в виду Маклакова Мария Алексеевна (1879–1957), сестра Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957), в 1917 г. назначенного русским послом в Париже, но не успевшего вручить верительные грамоты; с 1924 г. Маклаков возглавлял комитет, призванный защищать интересы русских эмигрантов во Франции; о нем см., напр.: *Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия.* М., 1996, С. 335–337 (с библиогр.); *Адамович Г.В.* В.А. Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Берберова Н.Н.* Люди и логи (по указат имен); см. также его мемуары «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954) и др.; о М.А. Маклаковой см.: *Носик Б.М.* На погосте XX века. С. 288–289.
- 69 Недошивина Наталья Алексеевна — служащая Земгора, представитель Литературного фонда во Франции.
- 70 Зернова Софья Михайловна (1899–1972) — дочь М.С. Зернова, бывшего московского городского головы; в эмиграции с 1920 г. (Константинополь, Белград, Париж); в 1932–1934 гг. заведовала бюро по приисканию труда для русских, учрежденным при Общевоинском союзе в Париже; в 1935 г. создала в Париже Центр помощи русским беженцам; основала Русский детский дом, помещавшийся сначала в Вильмуассоне, а в 1954 г. переехавший в Монжерон, бывший замок французской королевы Анны Ярославны — киевской княжны, вышедшей замуж за короля Генриха I; см. некрологи: *Вестник РСХД (Русского христианского студенческого движения).* Париж, 1972. № 103; *Новое русское слово (Нью-Йорк).* 1972. 25 января; *Новый журнал (Нью-Йорк).* 1972. № 106; *Русская мысль (Париж).* 1972. 20 января; 27 января.
- 71 Романова Александра Вадимовна (?–1963) — сестра милосердия, участница Белого движения, активная деятельница Красного Креста; в эмиграции с 1918 г.; в доме матери Романовой Миллеры жили в первое время после приезда из Дании в Лондон; Миллер писала об А.В. Романовой также во фрагменте «Наша русская жизнь в изгнании. Второй этап — Англия», ср.: «А.В. Романова не могла оставаться бездеятельной и сразу принялась за работу. Возобновилась деятельность русского Кр[асного]

Креста. В Лондоне находился гр. Павел Ник[олаевич] Игнатьев, который возглавлял Кр[асный] Крест. <...> А.В. Романова в доме нашего посольства организовала мастерскую шить белья (так! — О.Д.) для Белой армии и открыла мастерскую, это посылалось в Крым. Нас там было несколько человек, кроивших белье, некоторые вязали на дому теплые вещи. <...> Был устроен уличный сбор, я зашла в контору Гловеров и они мне в кружку положили 5 фунтов» (BAR. Coll. E. Miller. Box 2).

72 Вероятно, речь идет о крымском периоде белой борьбы, когда русскую армию в начале 1920 г. возглавил генерал П.Н. Врангель; см.: *Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.: В 2 т. Т. 2* (любое изд.); см. цит. выше воспоминания Миллер: «А.В. Романова стала собираться к Врангелю (далее Константинополя ей уже не пришлось попасть). <...> Это было летом 1920 года» (BAR. Coll. E. Miller. Box 2).

73 Романова, вероятно, прибыла в Константинополь в начале лета 1920 г. и вернулась в Париж не позднее весны-лета 1921 г., см. письма А.А. Гвоздинского Миллер от 8–14 декабря 1920 г. и 8 июня 1921 г.: «А.В. Романову разыскал в тот же день, когда получил письмо Вл[адимира] Анатольевича (муж Миллер — О.Д.): она работает в лазарете при Посольстве»; «Так я и не познакомился с А.В. Романовой <...>. А теперь ее здесь нет» (Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918–1921) / Публ., вступит. статья и коммент. О.Р. Демидовой // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 461, 469–470).

74 Из Англии семья Романовых летом 1920 г. переехала в Германию, а оттуда — во Францию; о жизни Романовых в Англии в начале эмиграции Миллер вспоминает: «Екатерина Владимировна Романова, рожд. бар. Меллер-Закомельская <...> настоящая “гранд дам”, очень умная и воспитанная дама, после революции оказалась в Крыму. Она мне как-то рассказала, что в детстве читала книгу о бегстве из Москвы во время Наполеона и думала: “А вот с нами такое уж никогда не случится”. И случилось хуже. Ее старший сын, моряк и горный инженер, Влад[имир] Вадимович, был у Колчака. Младший, Борис Вад[имович], бывший вице-губернатор какой-то северной губернии, оказался в Архангельске. О сыновьях она ничего не знала. Старшая дочь Александра Вад[имовна], поныне здравствующая в Париже, сестра милосердия японской, Первой и Белой войн, награжденная Георгиевской медалью, была в это время в Добровольческой армии. С ними была Ирина Чичерина, девочка 10 лет, дочь младшей дочери, вдовы конногвардейца Чичерина <...>. Дочь Вера Вад[имовна] Чичерина, тоже сестра, по слухам, была в Киеве с сыном Никитой, 15 лет. Романовы эвакуировались в Константинополь, но каким-то образом были отрезаны от внучки и ее гувернантки, мисс Лавингтон, которая с ней оказалась в Одессе. Она пошла к своему консулу и сказала, чтобы Ирину записали в ее паспорт. Консул отказал — “она не англичанка”. “Тогда я не уйду и буду сидеть в консульстве, пока Вы не сделаете того, что я хочу”, — и села. Консулу пришлось сдаться, и девочка воссоединилась в Турции с бабушкой и тетей, откуда проехали в Лондон»; и далее: «Вдруг, кажется в феврале или марте, рано утром звонок <...>: приехала Вера Вадимовна с сыном Никитой, 15 лет, прямо из Константинополя, после эвакуации [из] Крыма. <...> Немного раньше приехал младший сын Е.В. Романовой, Борис Вадимович, эвакуированный из Архангельска» (BAR. Coll. E. Miller. Box 2).

75 Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945) — сын известного дипломата и государственного деятеля графа Н.П. Игнатьева, русского посла в Константинополе в 1870-х гг.; государственный и общественный деятель; в 1907 г. — киевский губернатор, в 1909 г. — директор Департамента земледелия, в 1912–1914 гг. товарищ министра земледелия, в 1915 г. назначен на пост министра народного просвещения; из многочисленных предложений Временного правительства принял лишь одно — стать главноуполномоченным Российского Красного Креста; после февраля 1917 г. выехал для лечения в Кисловодск, где его застал большевистский переворот; был арестован местной ЧК, освобожден в 1919 г. после занятия Кисловодска Белой армией; в эми-

грации с 1919 г. (Англия — Франция — Канада), до начала 1930-х гг. возглавлял заграничную организацию Красного Креста; см. некрологи: Новый журнал (Нью-Йорк). 1945. № 11; Русские новости (Париж). 1945. 16 мая. № 2999; см. также воспоминания его внука: *Ignatieff M. The Russian Album: A Family Saga of Revolution, Civil War and Exile*. London, 1987 (рус. перевод: *Игнатъев М. Русский альбом: Семейная хроника*. СПб., 1996).

- 76 Толстая Александра Львовна (1884–1979) — общественная деятельница, публицистка, мемуаристка; младшая дочь и последний ребенок Л.Н. Толстого; по завещанию Толстой оставил ей все права на свои произведения; в 1914 г. окончила курсы сестер милосердия и была отправлена на фронт; за личное мужество и верность милосердию была награждена тремя Георгиевскими медалями; в декабре 1917 г. вернулась в Ясную Поляну, создала и возглавила Общество изучения и распространения творений Л.Н. Толстого; в марте 1920 г. была арестована по делу «Тактического центра», в августе приговорена к трем годам заключения в лагере принудительных работ, амнистирована в 1921 г.; осенью 1929 г. приняла приглашение японских друзей выступить с лекциями о Толстом, в Россию не вернулась; с 1931 г. жила в США, в апреле 1939 г. организовала Толстовский фонд для помощи русским, нуждавшимся в ней; см. воспоминания Толстой: «Проблески во тьме» (Берлин, 1965; М., 1991), «Дочь» (Лондон, шт. Онтарио, 1979; М., 1992) и монографию «Отец. Жизнь Льва Толстого» (Нью-Йорк, 1953; М., 1989); см. также: *Берберова Н.Н. Люди и ложи*. (по указат. имен); *Хецинов Ю. Крутые дороги А. Толстой*. М., 1995.
- 77 Шамие (Шамье) Екатерина Антоновна (1889–1950) — химик, профессор, многолетняя сотрудница М. Кюри; в эмиграции сотрудница Высших педагогических курсов для подготовки преподавателей средней школы в России (читала курс «История научных идей»); член Общества русских химиков, член русской секции Международной федерации женщин с университетским образованием; подробнее о ее деятельности см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общей ред. Л.А. Мнухина: В 4 т. Париж, 1995–1997. Т. 4 (по указателю имен); *Граф Г.К. На службе императорскому дому России. 1917–1941: Воспоминания*. СПб., 2004. С. 304–305, 668. В собрании Миллер хранится очерк «Екатерина Антоновна Шамье» (BAR. Coll. E. Miller. Box 3. File Manuscripts by E.L. Miller. A–K).
- 78 Шамие (Шамье) Николай Антонович — профессор Русской консерватории, композитор, сотрудник Русского института истории искусств; Шамие Татьяна Антоновна (Таня Шамье) (?–1953) — балерина, артистка дягилевского балета; о благотворительной деятельности обоих в Париже см.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни (по указателю имен); вероятно, в конце 1930-х гг. уехала на гастроли с труппой Л. Мясина; о нью-йоркском периоде см.: *Мясин Л. Моя жизнь в балете*. М., 1997. С. 239; см. также некролог Ю. Сазоновой: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1953. 25 ноября.